

Б. Т. Примеров

мобитно-яростного языка и захватывающе-стремительного ритма»).

В 1970-е у П. один за другим выходят поэтические сб. «**Поющее лето**», «**Румянец года**», «**Весенний гость**», «**Талая заря**». В них получает свое развитие романтическая тенденция поэзии П., которую сам поэт обозначил метафорически: «„По полету шмеля“ пошел я в первой половине жизни, ориентируясь во времени и пространстве». Продолжает свой диалог П. и с близкой ему лит. традицией, песенные, кольцовские, есенинские вариации узнаются в мотивах и образах его стих.: «Пыльно, матушка, во поле, / пыльно, родная, / Истомилось, умаялось солнце вконец»; «Окати меня / Алым зноем губ, Али я тебе / Да совсем не люб?»

В эти же годы П. предпринимал и опыты поэтических переложений памятников древнерусской словесности, бережно стилизуя поэтическую речь: «Ой, черна земля родная / Под копытами комоней, / И засеяно широко / Поле белыми костями» (поэма «**Задонщина**»).

В поэзии 1980-х появляются новые черты — философская вдумчивость и углубленность: «Кто нюхал степь, вдыхал поля, / Подошвами пыля, / Тот без труда найдет шмеля, / И даже след шмеля» («**След шмеля**»). Но поэт не поступает излюбленной образностью («высматривает незабудки / Глазами

памяти — душа <...> По их далекому цветению лицо разлуки узнаю», («**Незабудки**»), наоборот, развивает зоркость поэтического взгляда, вкладывая обобщенный смысл в казалось бы случайные зарисовки. «Сон все живое долу клонит, / Но веселит докучный вид / Сын засухи — пустынный донник, / Он, словно солнышко, парит. / Как он необозримо звонок — / Цветок, растущий на парах <...> Собрал он в пазушные кисти / Свои целебные цветы» («**Донник**»).

Чуть ли не в философские притчи превращаются его с виду простые пейзажные зарисовки: «Тянет лето пыльные дороги, / По бокам его — полынный след. <...> Подалась в метелку вся суданка, / Выбросился в колос весь пырей. / Отобью серебряную косу / И войду в вечерние луга / Собирать подарки сенокоса — / Светлый ситец, темные шелка» («**Вечерние луга**», 1978). Недаром этот образ «вечерних лугов» П. позже вынесет и в название одной из лучших книг своей лирики (М., 1983). Именно в такого рода стихах П. явственнее всего звучал его «личный космос» (В. Цыбин).

Во второй половине жизни, по признанию П., его первую любовь (к природе) начали оспаривать книги. Библиофильство стало для него серьезным делом, он смог собрать множество редких книг по философии, истории России.

В последние годы жизни П. бедствовал, разделяя судьбу своего поколения, не сумевшего вписаться в «рыночные» отношения и не принимающего их: «Ворона чахлая маячит / Перед забрызганным окном. / А сердце вместе с далью плачет, / Да, вместе с далью об одном».

Соч.: Синевой разбуженное слово. Ростов н/Д., 1964; Некошенный дождь. М., 1967; Поющее лето. М., 1970; Румянец года. М., 1971; Весенний гость. М., 1972; Наедине с родимым небом. М., 1972; Талая заря. М., 1974; Вечерние луга. М., 1983; После разлуки. М., 1983; След шмеля. Ростов н/Д., 1988; Избранное. М., 1989.

Лит.: Цыбин В. Судьбы русских поэтов: Борис Примеров // Молодая гвардия. 1997. № 1. С. 216–225; Михайлов О. Блаженный // Лит. Россия. 1998. № 29.

К. И. Шарафадина

ПРИСМАНОВА (настоящая фамилия Присман) Анна Семеновна [25.8(6.9).1892, Либава — 4.11.1960, Тьер, близ Парижа] — поэтесса.

Принадлежит ко второму поколению первой волны эмиграции. Родилась в семье врача-дерматолога, специалиста по проказе. Детство и юность провела в Либаве (Лиепая)

на берегу Балтийского моря. После революции семья П. переезжает в Москву, где в 1919 П. — член группы «Лит. особняк». В начале 1920-х П. оказывается в Берлине, где в ж. «Эпопея» (редактор А. Белый) впервые печатаются ее стихи. С 1924 П. переезжает в Париж, где выходит замуж за поэта А. С. Гингера. З. Шаховская пишет о них: «Обликом походили они несколько на химер, но по своему духовному облику существа были серафические...» (Шаховская З.— С. 49). В 1925 П. вступает в парижский Союз молодых писателей и поэтов, представляя совместно с поэтом В. Л. Корвин-Пиотровским группу «формистов», уже, судя по названию, тяготившую к формальным исканиям. В 1930-е П. участвует в лит. объединении «Круг» (1935—39). Однако в целом П. находилась вне «лит. оппозиций». Так, И. Одоевцева писала: «Она вообще вряд ли знает о взаимоотношениях своих друзей и знакомых. Это ее не интересует. Она выше всего этого, постоянно витая в заоблачных сферах» (Одоевцева И. На берегах Сены. Париж, 1983. С. 125). При этом среди «друзей и знакомых» П. следует выделить, помимо самой И. Одоевцевой и Г. Иванова, Б. Поплавского, Б. Божнева, и М. Цветаеву, к которой П. относилась с почитанием.

Первый поэтический сб. П. увидел свет лишь в 1937 («Тень и тело»). Туда вошли стих. 1929—36. Во время немецкой оккупации П. и Гингер остались в Париже, что Гингеру как еврею грозило смертельной опасностью. В 1946 П. и Гингер вернули себе советское гражданство, однако от возвращения в СССР воздержались. После «перерыва на войну» в Париже выходят еще 3 поэтические книги П.: «Близнецы» (1946), «Соль» (1949) и «Вера» (1960).

Писавшие о поэзии П. отмечают усложненность метафорической системы ее стиха, испытывавшего сильное влияние Пастернака и Цветаевой. Сложность эта, однако, зачастую не служит для выражения каких-либо «адекватно-сложных» мыслей и чувств. Композиционно стихи П. выдержаны безукоризненно, образы и их сцепления логичны, как в поэзии XIX в., но «смысловым и эмоциональным результатом» стихотворения часто является банальность. Возникает своеобразное барокко — с тщательным вниманием к внешнему оформлению материала. Барочная «философия стиха» П. состоит не в попытках обрести истину, но в обнаружении вариативности, иррациональности ее. П. порой не просто сравнивает или проводит параллели с тем, чтобы полнее выявить сущность, но как бы на-

правляет свое искусство на воссоздание того, с чем сравнивается объект. Косвенный, опосредованный способ передачи она зачастую предпочитает прямому, что способствует реализации ассоциативного потенциала текста.

Мотив воды и ее вольных (или — невольных) обитателей: рыб, раковин, улиток и т. д., вплоть до водолазов, — присущ мн. стихам П. Застекленная аквариумная глубина, ее отгороженность от человеческой среды передает один из основных конфликтов поэтического сознания П. — существование в чуждой культурной и языковой среде. Любопытно, что в стихах П., весьма внимательной к деталям, почти отсутствуют реалии парижской жизни. Напротив, даже собственную жизнь П. пытается на склоне лет анализировать на сугубо российском материале — через судьбу народолюбивой Веры Фигнер (поэма «Вера»).

«Оживляет», а нередко и вовсе «вызывает к жизни» стихи П. ирония. Отсюда — интеллектуальная балансировка переоценкой ценностей, «гротеск, оригинальность» (Струве Г.— С. 225). Общепозетические деиндивидуализированные формулы (тоска, одиночество, розы, весна, душа) обретают конкретность и ощущение новизны через включение слегка пародированного, как бы помноженного на рефлексию, обыденного сознания — прием, позволяющий П. отыскивать неожиданные сюжетно-метафорические ходы: «Душа, ты выросла из юбки, / Она тебе уж до колен...» Или: «Ночь. Кошка гуляет вдоль крыши / Поросшего мхом сарая. / А прямо над кошкой и выше / Сияет вместилище рая».

После смерти П. ее лит. наследие было передано советским учреждениям. Однако до «перестройки» стихи П. на родине не печатались. С др. стороны, сопоставляя следующие два фрагмента, близость их трудно объяснить лишь случайным совпадением: «Быть может, и меня зовут Любовью, / Но я не знаю, как меня зовут» (А. Присманова. «Бабушка», не позднее 1949) и «Проснется он от темноты. / Почувствует чужой уют / И голос, ближний и смутивший: / «Послушай, как меня зовут?» (Вознесенский А. «Выпусти птицу», 1974).

Соч.: СС. Hague, 1990; Стихотворения // Русская лит-ра. 1991. № 2. С. 249—254; Русская Атлантида: Поздняя русская эмиграция. М., 1998. С. 48—62; Присманова А. С., Гингер А. С. Туманное звено: стихи. Томск, 1999.

Лит.: Струве Г. Русская лит-ра в изгнании. Париж; М., 1996; Шаховская З. Отражения. Париж, 1977; Couvè P. Introduction // Присманова А. СС. Hague, 1990. С. VII—XXIX.

В. Ю. Бобрецов